

Философия

УДК 115:32(045)

Д.В. Попов, Н.Б. Полякова, А.А. Шадрин, А.В. Ярков

ХРОНОПОЛИТИКА КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ (БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

«Круглый стол» кафедры философии и гуманитарных дисциплин

совместно с Удмуртским филиалом Института философии и права УрО РАН (4 декабря 2020 г.)

В ходе работы 7-го круглого стола «Философия: герменевтика концептов» обсуждались вопросы био- и хронополитики. Биополитика, как властная организация жизни населения в формах медиализации, нормализации и регуляции, оказывает прямое воздействие на биологическую жизнь человека. Однако это вовсе не означает, что биовласть решает проблему *nature versus nurture* исключительно только в пользу природы человека. Биовласть ко всему прочему стремится конструировать окружающую среду человека. Биополитический инструментарий воздействия на социальное время можно обозначить понятием хронополитики. Хронополитика, являясь неотъемлемой частью целокупного биополитического воздействия на человека, предстает в формах перманентной интенсификации времени; метафизического истолкования времени, имеющего политико-правовые последствия; интерпретации истории, в герменевтическом круге понимания которой переписывание прошлого заключает цель формирования аффективной постпамяти, позволяющей реконструировать настоящее и сформировать тенденции, соответствующие образу будущего биовласти. Хронополитика ускоряет социальное время и, способствуя формированию мегамашинных структур, отвечающих телеологии биовласти, несет возрастающие риски для человеческой цивилизации.

Ключевые слова: биовласть, биополитика, хронополитика, человек, время.

DOI: 10.35634/2412-9550-2021-31-1-5-18

Полякова Н.Б., заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Добрый день, уважаемые коллеги! Рада видеть всех в добром здравии! Наша встреча сегодня является продолжением разговора об одном из актуальных вопросов современной социальной философии – биополитике и различных вариантах ее представления. Передаю слово для доклада Дмитрию Владимировичу Попову, философски осмысливающему проблематику темпорального предьявления биовласти.

Попов Д.В., начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент.

Здравствуйте, уважаемые коллеги! *Vita Covida* вносит коррективы в нашу жизнь, но возникающая «барьерная» среда не преграда для людей творческих! Предлагаю в необычном формате дистанционного и, значит, в силу пространственной протяженности, скорее овального, но все же Круглого стола поговорить о малоисследованной стороне биополитики – хронополитике.

Новое время создало особый *хронотоп* (существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений [1. С. 341]), в котором каждый наступивший миг отвергает миг предыдущий и рвется вперед – в миг последующий. Новое время отвергает бытие-в-настоящем – изохронию. Новое время – эпоха смещения. Это аллохрония – бытие в ином времени. При этом Новое время ориентируется не на прошлое, а на будущее, являясь неохронией. Оно провоцирует преобразования и пытается интенсифицировать ход времени. Оно грезит о том, чего нет, будучи онейрохронией – временем мечтаний. Сознание нововременного человека живет в будущем. Особенностью нововременного хронотопа становится непрерывное изменение пространства жизни человека под напором потока грез. Онейрохрония становится метаморфотопией – время мечтаний изменяет пространство реальной жизни. Новое время дерзко экспериментирует. Воплощение того, чего еще нет, – вот драйвер нововременного хронотопа. Новое время от конструирования идей переходит к конструированию вещей, а от него – к конструированию социума во всем многообразии форм – от идеологий и социальных институтов до образов будущего. Все вместе закономерно ведет к тому, что Новое время порождает

тренд конструирования самого человека. И этим специализированно занялась биополитика – властная организация жизненного пространства населения. Переосмысление течения времени – его ускорение, концентрация, уплотнение, интенсификация – с определенными оговорками позволяет говорить о *хронополитике* – властном способе управления течением времени.

Биополитика, «как научное, рационально-техническое и бюрократическое управление биологической жизнью людей, объективированных в качестве “населения”» [22. С. 271], – целостная, системная парадигма властной организации жизни человека. Поскольку биовласть нацелена на конструирование человека, постольку с необходимостью она всесторонне конструирует и среду его жизни – естественную и искусственную (как в аспекте техники и технологии, так и в аспекте культуры в широком смысле слова). Это означает, что воздействию подвергаются пространство и время (в качестве социального пространства и социального времени). Биополитика с необходимостью продолжается в геополитике и *хронополитике*. Под последней понимается особая забота биовласти об эффективном использовании времени в контексте собственной телеологии.

1. Итак, во-первых, хронополитика – неотъемлемый элемент биополитики, нацеленный на эффективное использование усилий населения для достижения целей биовласти. Для пояснения своей мысли хотел бы обратиться к примеру геополитики. В центре геополитических воззрений находится осознание прямой связи между населением, территорией и безопасностью. Классическая геополитическая школа (Ф. Ратцель, Р. Челлен, А. Мэхэн, Х.Д. Маккиндер, К. Хаусхофер, П. Видаль де ла Бланш, А.Е. Едрихин (Вандам)) явилась рефлексией на тему баланса сил в поиске точек, осей, пространств, способных повлиять на равновесие или вывести из него. Практическим испытанием теоретических построений явились события мировых войн, подготовка и ход которых привели к инверсии представления об отношении войны и политики. Модель войны как продолжения политики другими средствами (К. фон Клаузевиц) была вытеснена моделью политики как продолжения войны другими средствами (Э. Людендорф). Людендорф развил идею «тотальной войны» (*Der Totale Krieg*), согласно диспозитиву которой «современные условия требуют, чтобы политика была продолжением войны, понимаемой ныне как борьба нации за выживание, в которой нет запрещенных приемов» [11. С. 82]. В контексте борьбы за выживание «*Der Totale Krieg* была не только подведением итогов предыдущей войны, но и планом следующей... Людендорф требовал выбросить на свалку традиционное разделение между правительством, армией и народом. В военной форме или без нее, вся страна должна превратиться в подобие гигантской армии, в которой каждый мужчина, женщина и даже ребенок нес бы службу на своем посту. У руля этой военной машины должен стоять военный диктатор. *Der Feldherr*... должен обладать абсолютной властью, включая неограниченную судебную власть... Но, пожалуй, самое радикальное здесь то, что эта система не ограничивается военным временем. Современный вооруженный конфликт ведется в таких масштабах и требует такой длительной подготовки, что единственным решением может быть только увековечивание диктатуры» [11. С. 82–83]. Крайне прямолинейные взгляды Людендорфа, являясь апофеозом милитаризма, не только нашли заинтересованных слушателей, но и выразили дух биовласти, нацеленной на максимизацию эффективности властной организации жизни населения. Приоритеты биополитики – могущество, процветание и престиж – органично вписались в модель тотальной войны, война «биополитизировалась». Выживание всех и индивидуальное выживание, всеобщее процветание и личное благополучие сошлись в этой крайне агрессивной биополитической стратегии. Модель «тотальной войны» совмещает идеи мегамашины (Л. Мэмфорд), чрезвычайного положения как парадигмы кризисного управления (К. Шмитт) и лагеря как особого пространства исключения (Дж. Агамбен). Одновременно данный концепт обнажает связь между биовластью, населением, «голой жизнью», территорией, интенсивностью использования времени, безопасностью и благополучием. Именно интенсификация времени согласованно действующего населения, не щадящего своей жизни ради выживания нации под водительством биовласти, обладающей чрезвычайными полномочиями, эффективно задействующей все наличные ресурсы территории, ведет к победе. Налицо системное представление о неразрывном единстве биовласти, человеческого, территориального и ресурсного капитала в условиях необходимости максимально эффективного использования отведенного времени.

Одной из важнейших причин обращения к хронополитике в военном деле является хронический «дефицит времени» [16. С. 74], атрибутивный войне и военной службе. Необходимость принимать решения срочно и своевременно – краеугольный камень искусства войны. При этом важно отличать спешку и сосредоточенность на выборе момента для действия. В движущуюся цель попадет

не тот, кто выстрелил максимально скоро, а тот, кто выстрелил в «нужное», оптимальное время – настолько быстро, насколько выстрел был подготовлен. Тот же принцип распространяется и на развитие инфраструктуры, материальной базы и логистического сопровождения войны (М. ван Кревельд, М. Деланда), и на ведение военной кампании.

Следует отметить, что воззрения Людендорфа, при всей их крайности, согласуются с общей оценкой трансформации войны. Так, Р. Глоссоп, со ссылкой на К. Райта, отмечает: «Очевидно, что на протяжении Нового времени и современности существовала тенденция к увеличению абсолютного и относительного размера армий, идет ли речь о размере армии в мирное время, количестве мобилизованных во время войны, количестве участвующих в битве бойцов или количестве военных и гражданских лиц, посвятивших себя работе на войну <...> Если и сложилась какая-либо общая историческая тенденция, то, возможно, к концентрации и ожесточению войны» [4. С. 212–213]. Частный пример хронополитического взгляда биовласти на войну следует перенести на социальную динамику XX в. вообще.

2. Безусловно, системный, комплексный характер биополитики, неизменно включающий «биополитизацию времени», можно продемонстрировать на многочисленных примерах из области философии (М. Хайдеггер, М. Фуко, Дж. Агамбен, С. Московичи, Л. Мэмфорд, Х. Ортега-и-Гассет и др.). Однако воспользуемся свидетельствами писателей. Е. Замятин в романе «Мы» устами главного героя воспекает мегамашинное бытие «Единого Государства», в котором «мы – счастливейшее среднее арифметическое», обитающие в жилищах – «клетках ритмичного тэйлоризованного счастья» [8. С. 240]. Именно тэйлоризм как научная система организации труда, известная своим пристальным вниманием к хронометражу каждой трудовой операции, задает согласованный ритм деятельности всего населения под чутким руководством Благодетеля и Бюро Хранителей. «Да, этот Тэйлор был, несомненно, гениальнейшим из древних. Правда, он не додумался до того, чтобы распространить свой метод на всю жизнь, на каждый шаг, на круглые сутки – он не сумел проинтегрировать своей системы от часу до 24-х» [8. С. 233]. Д-503, математик и строитель «Интеграла», восторгается машинерией Единого государства. Замятин вкладывает в уста Д-503 многочисленные метафоры ритмики совместного действия мегамашинны людей. «Я видел: по Тэйлору, размеренно быстро, в такт, как рычаги одной огромной машины, нагибались, разгибались, поворачивались люди внизу... И это было одно: очеловеченные, совершенные люди. Это была высочайшая, потрясающая красота, гармония, музыка...» [8. С. 266]. Упоение математизированным, измеренным и хронометрированным счастьем выражается в безусловном эстетическом принятии ритма и гармонии совместного функционирования в режиме машины. Окончательное торжество Супермашины, подобной Суперорганизму муравьев (Э. Уилсон), в Едином Государстве связывается с хирургической ампутацией фантазии – атавистического наследия несовершенных древних, мешающего уподоблению машине: «До сего дня ваши же детища, механизмы – были совершеннее вас. Чем? Каждая искра динамо – искра чистейшего разума; каждый ход поршня – непорочный силлогизм. Но разве не тот же безошибочный разум и в вас? Философия у кранов, прессов и насосов – законченна и ясна, как циркульный круг. Но разве ваша философия менее циркульна? *Красота механизма – в неуклонном и точном, как маятник, ритме.* Но разве вы, с детства вскормленные системой Тэйлора, – не стали маятниково-точны? И только одно: У механизма нет фантазии... Но это не ваша вина – вы больны. Имя этой болезни: фантазия... Трехкратное прижигание этого узелка X-лучами – и вы излечены от фантазии – Навсегда. Вы – совершенны, вы – машиноравны, путь к стопроцентному счастью – свободен» [8. С. 330–331]. Единый ритм Супермашины образуется благодаря безупречному ритму винтиков-людей.

Ритмично работающая Супермашина описана и К. Кизи, но в совершенно иной тональности. Для вождя Бромдена – пациента психиатрической клиники – это Комбинат, раскинувшийся по всей стране. Он функционирует благодаря послушным и ответственным работникам как точная, смазанная, отлаженная машина. Комбинат – «это громадная организация, которая стремится привести в соответствие внешний мир так же, как приведен внутренний» [10. С. 76–79]. Комбинат предстает как всеохватывающая ритмично работающая машина, отлаженная и роботизированная таким образом, что и сами люди являются роботами, исполняющими определенную им функцию. Неисправных – утилизируют. Своевольных – нормализуют. Для этого есть школы, армия и лечебницы. В точности по М. Фуко, но К. Кизи описал способ функционирования биовласти художественным языком и раньше, чем это сделал французский мыслитель. Однако нетрудно заметить, что дисциплинарные институты, инструменты нормализации и характер психиатрической власти описываются сходным

образом. Интересен вывод Бромдена о жизне- и свободолюбивом Макмерфи [10. С. 81]. Макмерфи – диссонанс в ритмичном гуле Супермашины. Он сохраняет человечность, отличную от машинности, но только потому, что Комбинат по недосмотру не вмонтировал его в свой строй.

Итак, хронополитику, как сознательную интенсификацию времени в рамках биополитической стратегии воздействия на население с использованием научно-технической и бюрократической машинерии, следует рассматривать как необходимую сторону арсенала средств организации биовластью жизни индивидуумов, объективированных в качестве населения, в ходе достижения целей, преследуемых биовластью. Поддержание ритма, слаженности, точного, «тейлоризованного» времени выполнения операций, идеалом чего становится машина, – предмет заботы хронополитики.

3. Примером теоретической концептуализации времени с целью социального управления является последовательное расширение использования понятия *aevum* («эон», «вечность ангелов») в позднем Средневековье. «*Aevum*... стало мостом над пропастью, разделяющей вневременную Вечность и конечное Время. Если Бог в своей Вечности оказывался неизменным и пребывающим вне и без Времени, а человек в своем *tempus* был изменчив в меняющемся конечном Времени, то ангелы представляли неизменными в меняющемся, хотя и бесконечном *aevum*» [9. С. 387]. Временное измерение *aevum* создало возможность для создания юридической фикции корпорации, в том числе корпорации, состоящей из одного человека – Короля. *Aevum*, лишенный кратиловой текучести *tempus*, хотя и не обладает качеством Божественной Вечности (*Aeternitas Dei*), в которой нет временной протяженности, но позволяет узаконить статус монарха на протяжении промежутка времени, превосходящего жизнь смертного человека. Король подобен легендарной птице Феникс. Он умирает, но возрождается в теле наследника, не умирая никогда. Именно поэтому «время не действует против Короля». Королевская династия – цепь природных тел во времени *tempus*, и одно политическое тело в *aevum* – правомочное основание длительно существующего политического союза с юридической точки зрения. Метафизическое разделение времени на триаду «*aeternitas*, *aevum* и *tempus*» позволило решить ряд важнейших политических и правовых вопросов, насущных для властной организации общественной жизни. Время ангелов сошло с небес на землю ради решения земных проблем. «И поэтому неудивительно, что персонифицированные объединения у юристов, представляющие собой с юридической точки зрения бессмертные виды, демонстрируют все черты, в иных случаях приписываемые ангелам. В самом деле, юридические «фиктивные лица» были на деле чистыми актуализациями и потому представляли как ближайшие родственники ангельских фикций. В центре корпоративистских учений юристов оказывались абстракции коллективов, или бессмертные и неизменные виды... У юристов деиндивидуализированные фиктивные лица, следовательно, с необходимостью напоминали ангелов, и сами юристы признавали наличие определенного сходства между их абстракциями и ангельскими сущностями. В этом отношении можно сказать, что мир политико-правовой мысли позднего Средневековья начал заселяться нематериальными ангельскими телами, большими и малыми: они не обладали возрастом, были невидимы, вечны, бессмертны, а иногда даже вездесущи» [9. С. 391]. Таким образом, теоретическое осмысление времени в позднем Средневековье, начавшись как метафизический спор, оказалось вовлечено в политическое пространство насущных для монархической государственности проблем легальности и легитимности королевской власти, обоснованности и юридических оснований престолонаследия, политических прав и обязательств подданных. В этом контексте теоретическое конструирование модели темпоральности, соответствующей представлению и нуждам политического союза, – деятельность по существу своему хронополитическая.

Средневековое обращение ко времени ангелов нашло свое яркое выражение в экономическом институционализме школы Д. Норта. «Открытый доступ» [13] следует рассматривать именно как неспешное сошествие ангелов на грешную землю экономической и политико-правовой жизни человечества. Именно бессрочно существующие организации и возможность свободного доступа граждан к возможности их учреждения в соответствии с набором универсальных безличных правил характеризуют государства открытого доступа – наиболее развитую в экономическом отношении на данный момент форму биополитической государственности современности. «Бессрочно существующие соглашения коренным образом отличаются от них. *Бессрочно существующая организация* – это организация, существование которой не зависит от личности ее отдельных членов. Все государства – это организации, а бессрочно существующие государства – это те, где аутентичность существующей организации не зависит от личностей, составляющих организацию... Понятие “бессрочность” включает элемент времени, потому что существование организация выходит за пределы жизни ее отдельных

членов» [13. С. 106–107]. Именно «создание бессрочно существующих организаций создает форму безличного обмена и отношений», и именно «бессрочно существующие организации требуют правовой системы, способной обеспечить соблюдение правовых норм по отношению к организациям» [13. С. 268]. В перспективе, учитывая свободный доступ граждан к созданию бессрочных организаций, это ведет к расширению сферы свободы и независимости человека. Данный аспект можно рассматривать как непреднамеренные последствия хронополитики в отношении населения.

4. Хронополитика, являющаяся аспектом биополитической стратегии, устремленной к достижению ряда значимых для биовласти целей (могущество, процветание, престиж), склонна к «концентрации» времени. Доступный для человека способ «ускорить», «интенсифицировать» время – это использование знаний, науки и техники. Мишель де Серто объясняет, каким образом концентрированное время вторгается в пространство и трансформирует его. «Различие между пространством и временем дает прагматическую последовательность: в устройство первоначального места (I) мир памяти (II) встраивается в “благоприятный момент” (III) и производит изменение пространства (IV)... Время здесь – это промежуток, чужеродность, неожиданно приходящая извне и создающая переход от одного состояния места к другому. Короче говоря, между двумя состояниями “равновесия” происходит вторжение времени» [18. С. 175]. По мере накопления знаний человечество приходит к типичной для технократической цивилизации схеме, когда «уплотненное», «консервированное» время в форме знания (*metis*) в точке «благоприятного момента» (*kairos*), связанного с открытием, изобретением, серийным использованием технологии, трансформирует физическое и социальное пространство. В этом процессе особое значение принадлежит технике.

Поскольку «техника – вид раскрытия потаенности..., область выведения из потаенности, осуществления истины» [19. С. 178], научно-технический прогресс провоцирует «перманентную революцию» вторжения времени в пространство. Это циклический процесс, повсеместный и ускоряющийся. Техника, становясь всеобщим опосредованием, тождественна коммуникации – в технике обнаруживаются компенсация лишений, восполнение недостатков, ответ на запрос о нужде в чем-либо. В современном мире «техника потому может считаться судьбой человека и властно захватывать его существо, что в ней и через нее происходит введение человеческого существа в культуру – в историческую эпоху – через специфическую природу “эпохи”, задающую исходную экзистенциальную ориентацию – при-нуждающую нужду в другом» [19. С. 183]. Техническое предвосхищение нужд человека выходит далеко за пределы нужд первостепенных и превращает техносферу в набор артефактов, являющихся ответами на любой возможный вопрос, который мог бы задать человек (как потребитель, эстет, перфекционист и даже фрик).

За стремительным прогрессом техники вновь обнаруживается «шевеление» *tempus* – времени смертного человека. *Aevum* – время ангелов – сжимается до настоящего – экстенсивного в своей трансгрессии за фронт и интенсивного в своей изменчивости. «Сгущающаяся» в оболочке технической коммуникации научная мудрость наиболее интенсивно проявляет свой потенциал стремительных изменений в «электрическую эпоху» (М. Маклюэн). «В электрическую эпоху мы носим на себе как свою кожу все человечество» [12. С. 57]. Сетевые коммуникации опоясывают планету и нивелируют расстояния. Возникает мировое всеобщее время, глобальная деревня Маклюэна становится зримой. «Прошлое, настоящее и будущее, привычное разделение длительности, отстают перед новым типом теленастоящего» [3. С. 94]. Как следствие, «”здесь” больше не существует, все существует “сейчас”» [3. С. 100]. Итак, перманентное вторжение времени в пространство, став беостановочно возобновляемым процессом модификации «места», стало новой формой *aevum* – техно-вечностью, сжатой в точку непрекращающегося настоящего. «Историчность, одна из форм “сжатия времени”, ныне сведена к нулю... Временная последовательность разворачивается в “present continue”, непреходящем настоящем» [3. С. 100]. Биовласть, проводящая хронополитику, нацеленную на предельную интенсификацию времени, безусловно, получает конкурентное преимущество перед оппонентами. Однако запущенный процесс, масштабированный в пределах планетарной технократической цивилизации, несет существенные риски. В точке экстремума интенсификации времени использование близкой к совершенству техники может повлечь имплозию пространства – социального и даже физического. Н. Бостром моделирует катастрофический сценарий, в рамках которого ошибка в постановке цели перед искусственным суперинтеллектом влечет гибель цивилизации. «Вряд ли вы сочтете парадоксальной ситуацию, если появится какой-нибудь ИИ, чьим единственным предназначением, например, будет: подсчитать песчинки на пляжах острова Боракай; заняться числом π и представить

его, наконец, в виде обыкновенной десятичной дроби; определить максимальное количество канцелярских скрепок в световом конусе будущего... Какова вероятность, что сверхразум, чья конечная цель сужена до минимума, ограничит свою деятельность лишь определением числа π в виде десятичной дроби или подсчетом скрепок и песчинок и не станет покушаться на интересы людей?» Возможен непредвиденный эффект, когда «система ИИ, призванная управлять выпуском скрепок и имеющая конечную цель довести их объем до максимума, вначале превращает в фабрику по производству скрепок всю Землю, а потом и обозримую Вселенную... Что помешает сверхразуму в его рвении? Он начнет создавать сверхмощную субстанцию компьютерию, чтобы любую материю вокруг себя преобразовать в скрепки» [2. С. 119–120, 140]. Итак, биовласть заинтересована в проведении хронополитики интенсификации времени доступными и все более усложняющимися средствами. «Гонка вооружений» между биополитическими режимами, а также перфекционизм биовласти способны создать как беспрецедентные блага, так и катастрофические риски.

5. М. Ямпольский обнаруживает метаморфозу современной культуры, ставшей «Парком культуры» [21] – рекреационной ментальной и эстетической формацией, в которой утонченная философия и художественные ценности смешиваются с трендами урбанизма, модой, роскошью и китчем, формируя гибридный *life style*. Парк культуры визуально воплощается в привлекательный дизайн центра (фасада, вывески) города. Входов у Парка культуры много, но содержание повсеместно стандартизировано требованиями безопасности, функциональности и консьюмеризма.

Культура – важнейшее расширение человека. Парк культуры современен. Если культура конституирует Человека, то парк культуры создан для приятного времяпрепровождения. Он одновременно является проводником культуры, контркультуры и даже модных форм бескультурия. Парк культуры обращен не просто к живому человеку, а к биологической жизни человека через потребности и их удовлетворение, и в этом отношении он – детище биополитики. Именно поэтому «парк культуры оказывается и парком эмоций» [21. С. 36]. Парк культуры «не просто комфортная окультуренная среда обитания, это среда, формирующая ощущения, аффекты, отношения» [21. С. 28].

Биополитика, различая в человеке политическое и биологическое, пересобирает оба начала. Биополитика искусственно разделяет в *zoopolitikon* (политическое животное) способность к политическому общению, основанному на парресии – свободной речи, с одной стороны, и бессловесную «голую жизнь» – с другой. Голая жизнь предпосылается политическому общению, мыслится самостоятельно и приоритетно. Пристальное внимание к голой жизни и рассмотрение человека как *animal rationale* в конечном итоге выводят человека за пределы политики. Рациональный дискурс подменяется иррациональной удовлетворенностью, замешанной на эмоциях и инстинктах.

Именно в контексте биополитической заботы о голой жизни можно понять такое явление, как постпамять. Постпамять, будучи суррогатом памяти, возникает в среде расширяющегося забвения [21. С. 33]. Постпамять упраздняет непосредственную память событий и замещает их аффектом, лишенным всякого историзма. «Аффект тут абсолютно первичен, а уже на него можно навесить любой след прошлого» [21. С. 34]. Постпамять замещает рациональное содержание сознания эмоционально нагруженным конструктом. Подобная подмена позволяет биовласти создавать нарративы, поддерживающие приятную атмосферу парка культуры, и достигать собственных целей. В определенном смысле биовласть, препарировав историю, занимается «хронохирургией». Удаляет то, что считает не нужным, соединяет то, что не было соединено. Все это происходит в диапазоне от косметических операций до подлинной вивисекции.

В биополитическом пространстве антиутопий (например, на оруэлловской *Animal Farm*, где содержание заповедей «анимализма» по мере становления диктатуры Наполеона подменяется) прошлое непрерывно переписывается исходя из потребностей настоящего. Знаменитая формула Дж. Оруэлла «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» – важная составляющая Англосоциализма (сокр. от «Английский социализм») – вымышленной тоталитарной идеологии воображаемой Океании. Для Миниправа (Министерства правды) провинции Взлетная полоса I со столицей в Лондоне лозунг является руководством к действию – непрерывное приведение прошлого в соответствие настоящему, новейшей партийной линии, – каждодневный тяжелый труд чиновников ведомства. При этом «прошлое, по природе своей изменяемое, изменению никогда не подвергалось. То, что истинно сейчас, истинно от века и на веки вечные... Нужна всегонавсегда непрерывная цепь побед над собственной памятью» [15. С. 41].

Точно так же, как и в реальном пространстве СССР, где «рядом с историографией функционирует еще одно внешне похожее направление, которое за неимением лучшего можно было бы назвать агиографией... Если угодно, историческая пропаганда. Или героический эпос, которому ради убедительности придан облик объективного знания» [14. С. 16]. Для героического эпоса «если эмпирические факты противоречат канону – тем хуже для фактов... “Неправильная” эмпирика третируется как вражеские измышления, клевета и фальсификация» [14. С. 16]. Прошлое и здесь преобразуется в угоду настоящему, подпадая под цензуру сперва революционной, а затем идеологической и бюрократической целесообразности.

В современном мире постпамять вытесняет историю. Иногда агрессивно. Еще свежи образы пароксизма антисистемного бунта под знаменами Black Lives Matter в ходе пандемии коронавирусной инфекции. Гремучая смесь нарративов о глобальном потеплении, антиколониализма, феминизма и борьбы против дискриминации во всех ее проявлениях обрушилась на головы живых и мертвых. Колумбу, Линкольну и Черчиллю задали изрядную трепку! Обвиненные в расизме, они были ниспровергнуты со своих пьедесталов, пока что рукотворных.

Постпамять является основанием для реализации постправды – особого сконструированного набора мнений, необходимых биовласти для управления населением. Возможно, преобладание фейк-ньюс исторически широко распространено в человеческих сообществах. «На самом деле человечество всегда жило в эпоху постправды. Homo sapiens – это биологический вид постправды, сила которого зависит от создания мифов и веры в них... Homo sapiens покорила всю планету в первую очередь благодаря умению создавать и распространять мифы» [20. С. 394]. Но никогда в истории еще не было столь изощренного пропагандистского аппарата. Постправда выглядит новой метафизикой, со своим догматизмом, канонем и методологией.

Хронополитика в качестве хронохирургии ставит важнейшую проблему отношения к конструированию прошлого. И здесь сталкиваются две тенденции, имеющие право на существование. Во-первых, право на забвение, сформулированное П. Рикером, в рамках которого человек осознанно желает забыть свой опыт, вытеснить себя за пределы своего опыта. Когда-то изгнанному Фемистоклу предложили обучить искусству помнить обо всем, но он предпочел «искусство забывать, ограждающее его от страдания, причиненного памятью» [16. С. 114].

Однако есть такая память и такой опыт, которые должны быть сохранены, несмотря ни на что. Праву на забвение противопоставляется долг памяти. Даже если передать некоторый опыт невозможно в силу того, что носители этого опыта мертвы, невозможное свидетельство (Дж. Агамбен) должно состояться от лица тех, кто был вовлечен в жизненную драму. Ж. Амери (не канувший, но выживший узник концлагеря) отмечает: «Память, наполненная скорбью, подвергается акту принуждения: воспоминания должны быть воспроизведены, и в этом состоит смысл морального долга. Именно справедливость превращает память в проект, и именно сама проективная способность справедливости придает долгу памяти форму повелевающего духа» [16. С. 114–115].

После событий Второй мировой войны (в том числе охватывающих до- и послевоенный период) многие пережившие ужасы войны, концентрационных и трудовых лагерей, оставили воспоминания о произошедшем, несмотря на ощутимую боль от самого акта воспоминания. Среди этих людей – те, кто наяву прошел через биополитическое пространство лагеря (П. Леви, В. Франкл, Б. Беттельгейм, Ж. Амери, А. Солженицын, В. Шаламов, Е. Глинка, Г. Жженов) либо узнал то, что, не будучи высказанным вслух, не даст покоя (Х. Акияма, С. Моримура). Их позицию выразил все тот же Ж. Амери: «Ничто не нашло разрешения, ни один конфликт не улажен, ни одна зарубка в памяти не стала просто воспоминанием. Случившееся не воротишь. А вот с тем, что случилось, просто так примириться нельзя. Я протестую, я встаю – против своего прошлого, против истории, против современности, которая замораживает непостижимое в виде истории и, стало быть, самым возмутительным образом его фальсифицирует» [16. С. 116–117]. Хронополитика выражает амбивалентное отношение к прошлому в формах долга памяти и постпамяти – конструкта, опирающегося на избирательное право забвения, исходящее из телеологии биовласти. Отношение к прошлому, пропущенное через интересы биовласти, порождает широкий диапазон возможного будущего. Будущего, в котором повторение ошибок невозможно, вероятно и даже неизбежно.

б. «Распалась связь времен». Именно таким несколько искаженным образом мы часто воспроизводим строки Шекспира из трагедии «Гамлет» (The time is out of joint – O cursed spite, That ever I was born to set it right! (Шекспир); «Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить!»)

(пер. Б. Пастернака)). Хронополитика, как сторона биополитической стратегии, обращенная к темпоральной стороне человеческой жизни, сознательно вмешивается в течение социального времени. Это неизбежно. Однако результаты теоретического осмысления, замедления и интенсификации, переборки, забвения и навязчивого воспоминания событий социального времени должны составлять систему устойчивых координат. Иначе воображаемое вытеснит реальное, тогда есть риск повторения судьбы человечества из рассказа Х.Л. Борхеса «Тлен, Укбар, Orbis tertius».

Спасибо за внимание!

Полякова Н.Б. Благодарю за интересный, со-бытийно и концептуально насыщенный доклад. Коллеги, переходим к вопросам и комментариям.

Яркеев А.В., старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН, доктор философских наук, доцент.

Дмитрий Владимирович, на мой взгляд, обратился к очень интересному – как в теоретическом, так и практическом отношении – вопросу, потому что в исследованиях по биополитике, как правило, проблематика времени либо не рассматривается вовсе, либо рассматривается очень поверхностно, вскользь. Пожалуй, только сам Фуко уделил ей должное внимание, эксплицируя ритмику (хронометраж) анатомо-политики. Действительно, можно (и нужно) анализировать не только биополитику человеческих тел, населения и территории, но и биополитику времени. С одной стороны, биовласть пытается лишить человека времени как фундаментального измерения его бытия (животное-в-себе не знает времени), а с другой – сама конструирует специфическую темпоральность, обстоятельно исследовать которую еще только предстоит.

На мой взгляд, представленная докладчиком картина могла бы быть дополнена обращением к концепции П. Вирилио, согласно которой мы перешли от демократии к «дромократии» (власть скорости). Нет смысла пересказывать здесь его взгляды, но суть в том, что, по существу, мы живем в эпоху все возрастающего дефицита времени. Правильно Дмитрий Владимирович начинает с эпохи Нового времени (когда, собственно говоря, и зародилась биополитика): новоевропейская ориентация на прогрессивное будущее связана с уплотнением времени и ускорением его течения. Новоевропейский субъект был чрезвычайно воодушевлен тем фактом, что в облике все более совершенствующихся механических часов в буквальном смысле взял время в свои руки и научился его «точно» измерять. М. Хайдеггер в этой связи отмечал, что чем точнее измеряют время, тем меньше его становится. С тех пор управление временем инвестируется в жизнь населения, проникает в каждое человеческое тело, становится имманентной потребностью контролировать собственное время жизни (так называемый тайм-менеджмент). Капитализация и монетизация времени («время – деньги») являются просто политэкономическим выражением того обстоятельства, что время, наряду с жизнями индивидов, – это ценный ресурс, который, как золото, нужно учитывать по крупницам. Иначе говоря, счет идет на секунды. Теперь уже даже не на секунды, а на миллиардные доли секунды (нанотехнологиям соответствует свой масштаб и режим времени – наносекунды). Я подвожу к тому, что, памятуя о хайдеггеровском тождестве человеческого бытия, мышления и времени, мы оказываемся в той ситуации, когда человек, как мыслящее существо, экзистирующее в горизонте времени, попросту оказывается неуместным, а точнее – «несвоевременным». Мышление, или обдумывание, фундаментально нуждается в избытке свободного времени, который греки называли «досугом». Философ и политик нуждались в досуге, это их определяющая характеристика. В наше время досуг воспринимается в свете вопроса «как убить время?». И время действительно повсеместно «убивается». У меня даже возникает риторический вопрос: не являются ли с этой точки зрения массовые истребления людей в лагерях смерти формой истребления самого времени? Биовласть стремится поставить под свой контроль время, сделать его собственной принадлежностью, но, как известно, самая радикальная форма присвоения – это уничтожение.

Еще я бы хотел обратить внимание вот на что. Совершенно верно Дж. Агамбен полагает, что главным понятием, характеризующим нашу *постсовременность*, ее главным симптомом является понятие *кризиса*. Мы живем в ситуации перманентного кризиса – экономического, политического, социального, морального, экологического и т. д. и т. п. Причем этот кризис – это же не стихийное, природное явление. Это явление рукотворное. Я хочу сказать, что кризис – это и есть та самая темпоральность, которую в том числе производит биовласть (возможно, что преимущественно именно биовласть). Слово «кризис», греческое по своему происхождению, в христианской теологии означает «Судный день», то есть, собственно говоря, конец времени. Время закончилось. Агамбен называет эту модальность

времени, когда мы переживаем конец времени, апокалипсисом, отличая его от иной модальности времени – от времени мессианского (даже Церковь, пишет Агамбен, закрыла для себя эсхатологическое окно в мессианское время, превратившись в обычную биополитическую институцию). Иными словами, мы, люди, является очевидцами собственного конца. Допустимо ли, перефразируя М. Хайдеггера, сказать, что смерть человека может длиться дольше, чем вся его предыдущая жизнь, история? Если да, то в моем понимании это и есть «время» биополитики, ее *aevum*. Вспомните, что в фильме «Бегущий по лезвию 2049» магнат, производящий репликантов (биороботов), называет их ангелами. «Мы творим ангелов», – говорит он. Человеческое время (*tempus*) закончилось, началось время биополитических «ангелов» (*aevum*). Тут возникает множество различных точек сопряжения (концептуально-логических, символично-метафорических и пр.), связывающих между собой биополитику и политическую теологию, так что даже по аналогии с хайдеггеровской «онто-тео-логией» появляется соблазн ввести термин «био-тео-логия», обозначающий модальность, в которую перешла западная метафизика. Об этом, кстати, Агамбен прямо говорит: политическая теология и биополитика вместе образуют биполярную систему, которая определяет западную технологию власти.

Попов Д.В. Вспомнил, у Фуко есть пассаж, где он утверждает: «Если хотите, кризис – это вечное настоящее». Мы, вечно живущие в «настоящем» Августина, вечно живем в кризисе. Вы сказали, что представленная докладчиком картина могла бы быть дополнена обращением к концепции П. Вирилио. Согласен! Но именно к Вирилио я и обратился, только не использовал термин «дромология». Я очень ценю Вирилио и часто его цитирую, в этот раз взял у него только про время. Ничего против не имею, просто, мне кажется, обращение к концепции вообще (оно есть) можно заменить на обращение к концепту «дромократии».

Шадрин А.А., доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Тематика времени, конечно же, неисчерпаема. И в современности, или постсовременности, она связана как раз с необходимостью и одновременно невозможностью его преодоления. Биополитика, на мой взгляд, разворачивается на этой грани, или границе, между необходимостью и невозможностью преодоления времени человеческого – экзистирующего – присутствия в мире, как, наверное, сказал бы М. Хайдеггер. Алексей Владимирович говорит об этом, и я с ним полностью согласен. И поскольку Дмитрий Владимирович берет за точку отсчета Новое время, а его начало, по мысли П. Слотердайка, символизируют лопнувшие «переливающиеся пузыри Бога», у меня возникает вопрос: когда бытие-в-Боге (Средневековье) уступает место бытию-в-природе (Новое время), не формулируется, не оформляется ли таким вопрос о том, *для чего человек Вселенной?* И не является ли биополитика попыткой (на мой взгляд, не вполне рефлексивной и, надеюсь, не последней) ответа на него?

Попов Д.В. Вероятно, биополитика – попытка в поле праксиса ответить не столько на вопрос о том, *«для чего человек Вселенной?»*, сколько на вопрос *«для чего Вселенная человеку?»* Биовласть, безусловно, представляя собой знание–власть, тем не менее отделяет рефлексивность и праксис. Биовласть разделяет «прометеевский» дерзкий дух вторжения в природу (творение). У биовласти ясная цель: самосохранение и даже больше – «изобилие», «преизбыток» выживания – *над-выживание* или *«пре-жизвание»*. Античная апология власти как калокагатии при ответе на вопрос *«Для чего власть населению?»* (как, например, у Платона: власть мудрых способствует наиболее полному припоминанию идеального мира, что благотворно для души) биовластью переформулируется в практической плоскости в вопрос *«Для чего население власти?»*. Прагматика биовласти претворяется в принципах самосохранения, конструирования (перманентной пересборки) социального, манипуляции (а это модальность «хитрости разума») населением через обращение к биологической жизни.

В том сегменте биополитики, который мы обозначили как хронополитику, это означает антиномичную логику встречных потоков каузальности (причинности) и телеологии. И. Кант указывал на антиномичность естественной и свободной причинности в деятельности человека: «Тезис: ”Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо допустить свободную причинность”. Антитезис: “Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы”». Свободная причинность связана с постановкой цели и такой серии выборов, которая вступает в противоречие с каузальностью как некой наиболее вероятной последовательностью причинно-следственных связей в определенной ситуации. В мир необходимости, для которого характерен паттерн «редукции настоящего и будущего к прошлому», телеология вносит *инверсию*, при которой не будущее определяется через настоящее,

но настоящее определяется через будущее (телеологический характер настоящего). Учитывая данную инверсию, время в определенном смысле двунаправленно – из прошлого в будущее и из будущего в прошлое. Когда мы ставим себе цель поменять профессию (образ жизни, хобби, гражданство, семью), мы изыскиваем в своем прошлом фундамент для своего нового «Я». Это значит, что мы конструируем свое прошлое исходя из образа, виртуально присутствующего в будущем. Вслед за Микеланджело мы, точно скульптор, отделяем от своего прошлого лишнее, чтобы создать альтернативного себя (и альтернативную историю) в будущем. Значит, мы – ментально – движемся из будущего в прошлое, одновременно физически двигаясь из прошлого в будущее. «Я» – это перекресток потоков времени (актуальных и виртуальных) – «точка-континуум возможностей».

Обратимся к примеру нашумевшего научно-фантастического боевика-головоломки Tenet К. Нолана «Довод». Попутно отмечу, что кинопрокат не устоял перед переводом английского палиндрома русским – как поступиться гипнотическим эффектом сжатого воплощения в палиндромной логике названия фильма идеи встречного движения времени! – в то время как в семантическом отношении уместнее было бы Tenet перевести как «Принцип» (постулат, доктрина и даже суть). В «Доводе» эксплуатируется идея обратимости времени вплоть до полной материализации потоков времени, включая применение некой машинной технологии инверсии темпоральности. «Довод» изобилует инвертированными артефактами, движущимися из будущего в прошлое так, что для них следствие в нашем представлении является причиной и наоборот, а энтропия возрастает в их будущем, соответствующем нашему прошлому. Люди также, проходя через специальный портал, способны двигаться противонаправленно временному потоку. В такой ситуации инвертируется и действие физических законов (например, из-за инверсии вдоха и выдоха требуется дыхательный аппарат и кислород). Эффектная идея о том, что «будущее желает уничтожить прошлое» подкрепляется парадоксальным обнаружением «осколков грядущей войны». Если нами воздействие будущего на прошлое мыслится как метафора влияния цели на преобразование человека, что в том числе заставляет его изменить (переосмыслить) свое прошлое, то «Довод» идет дальше – воздействие встречного потока времени обладает реальной преобразующей (разрушительной) силой. Даже центральное звено «доктрины» – «алгоритм», инвертирующий направление времени во всем мире, – предстает как вещественный артефакт (наподобие коленвала), запустить который можно путем его физического уничтожения. Власть (хроновласть) в будущем ради выживания стремится расчистить прошлое (Lebenszeit в хронополитике как аналог Lebensraum в геополитике) и устремить поток времени в этом направлении ради того, чтобы избежать экологической катастрофы. Хроно-био-власть сохраняет себя и свой мир ценой гибели своих предков.

Из данного фантастического примера тем не менее можно извлечь следующее в отношении характера биовласти: биовласть смело подменяет собственной телеологией сложившийся характер причинно-следственных связей (каузальность) в доступных человеку пределах. Идеология, СМК помогают удалять из прошлого нежелательное и заострять внимание на нужном биовласти. В определенном смысле биовласть в своей хронополитике направляет время из будущего своих проектов в прошлое. Референтом манипулятивного воздействия и трансформации становится население. В итоге биовласть в поле праксиса использует и население, и энергию Вселенной ради своих целей, своеобразно отвечая на вопросы «Для чего население власти?» и «для чего Вселенная человеку?». Безусловно, существуют пределы воздействия, среда сопротивляется, а это означает, что и население использует биовласть в своих интересах, становясь выгодополучателем. И здесь срабатывает двунаправленность в игре сил.

Ярков А.В. Поскольку новоевропейский субъект самоконституируется в статусе господина над всем сущим (Хайдеггер), постольку действительно вопрос «для чего Вселенная человеку?» (или «для чего Природа человеку?») оказывается более релевантным. Ввиду того, что объектом колонизации со стороны биовласти является жизнь как таковая, в каком-то смысле (далеко не в столь уж незначительном) поиски учеными внеземной жизни являются продолжением биополитики за пределами нашей планеты. Как сказал однажды выдающийся деятель британского империализма, предприниматель и политик Сесил Родс: «Как жаль, что мы не можем добраться до звезд, сияющих над нами ночью в небе! Я бы аннексировал планеты, если бы смог; я часто думаю об этом. Мне грустно видеть их такими ясными и вместе с тем такими далекими». Весь вопрос только в том, до каких размеров (то есть пределов) способен раздуваться этот биополитический пузырь, если прибегнуть к терминологии Слотердайка. Когда-то он все-таки лопнет, как когда-то лопнул упомянутый Алексеем Анатольеви-

чем теоцентрический пузырь? Или потенциал эластичности его стенок бесконечен, коль скоро «резистентность» внешней среды (населения, природы и т. д.) способна преодолеваться за счет техники и технологий? Как бы то ни было, на мой взгляд, проект сферологии Слотердайка может оказаться очень эвристичным в плане объяснения (концептуализации) биополитической «хроносферы».

Попов Д.В. Про колонизацию миров как «разбухание» биополитики – здорово! Помню-помню, по-моему, у Фергюсона или Саркисянца читал про империалиста С. Родса, в честь которого Южную Родезию назвали. Хорошая ремарка!

Шадрин А.А. Соглашусь с тем, что вопрос «для чего Вселенная человеку?» или «для чего Природа человеку?» в нововременной проекции оказывается более релевантным ввиду достаточно прозрачной перспективы ответа на него. Это, безусловно, стремление к господству над сущим, расширение границ жизни и т. п. И здесь, на мой взгляд, мы можем говорить о своего рода «парных» вопросах. Например, с точки зрения бытия-в-Боге это вопросы «для чего человеку Бог?» и «для чего Богу человек?». И ответы на эти вопросы *есть*. Прочитую «парный» ответ С. Жижека: «Что если Бог актуализируется только через признание его человеком?» [7. С. 21–22].

Но с точки зрения бытия-в-природе, казалось бы, такие же формально, или аналогично, парные вопросы «для чего Вселенная человеку?» и «для чего человек Вселенной?» не предполагают «парного» ответа. Даже опираясь на Спинозистский постулат «Deus sive Natura», ответ на вопрос «для чего человек Вселенной?» оказывается отнюдь неочевиден, более того, он завораживает и, думаю, является более глубоким и интересным в сравнении с вопросом «для чего Вселенная человеку?» (в его нововременной проекции).

Яркеев А.В. Да, я полностью согласен. Как известно, даже в науке, ориентированной на овладение всем сущим, есть так называемый антропный принцип, который делится на «сильную» и «слабую» версии с различными вариантами и дополнениями по каждой. Одним из вариантов сильного антропного принципа является антропный принцип участия, предложенный Дж. Уилером: «Наблюдатели необходимы для обретения Вселенной бытия». Это и есть ответ на вопрос «для чего человек Вселенной?». То есть даже наука не может не задаваться этим вопросом, ибо он действительно фундаментален.

Обоим вопросам соответствует своя модальность времени. Об этих модальностях я уже упомянул со ссылкой на Дж. Агамбена. Вопросу «для чего человеку Вселенная (Бог, Природа, Население и т. д.)?» соответствует апокалиптическое время, вопросу «для чего Вселенной (Богу, Природе и т. д.) человек – мессианское. Биополитический хронос» – это, безусловно «апокалипсис», разворачивающийся в топосе «хорошего» или «плохого» концлагеря.

Попов Д.В. Спасибо, Алексей Владимирович и Алексей Анатольевич за интересное развитие дискуссии! Я бы хотел развить мысль об эоне биополитического времени. Время биологической жизни человека – промежуток между двумя формами ТБО («тела без органов») – яйцом и трупом. Как сказано Ж. Делезом и Ф. Гваттари, «ТБО противостоит не органам, но той организации органов, которую называют организмом» [6. С. 264]. С определенными оговорками можно утверждать: есть самостоятельно функционирующий организм, нет ТБО, и наоборот. Рождение биополитики и ее возможный конец (смерть) укладывается в интервал между иными «телами без органов» – абстрактной и совершенной машиной. Напомню, биополитика – плод научного, рационально-технического и бюрократического управления биологической жизнью населения – это «Машинерия». Самосохранение (т. е. выживание) биовласти – цель приоритетная, машина (и как техника, и как социальные мегамашины) – инструмент «спасения» биовласти. Если для человека Средневековья и, соответственно, суверенной власти жизнь – это «ковчег» на пути к Вечной жизни, то для биовласти жизнь – это «машина» на пути к Жизни 2.0, т. е. к такой Супермашине, исправное функционирование которой гарантирует выживание биовласти, а естественное и искусственное становятся малоразличимыми. Пробразом абстрактной машины является само тело человека как природный механизм, но в чистом виде абстрактная машина – это машина Тьюринга как прототип компьютера. «Настоящая машина Тьюринга, существующая либо в том абстрактном виде, в котором она оставалась в период 1936–1950 гг., либо в своей сегодняшней форме персонального компьютера, определяется в качестве “абстрактной машины”, то есть машины, которая может симулировать действие любой другой машины. Это, разумеется, не значит, что машина Тьюринга может симулировать холодильники, автомобили или тостеры. Скорее, она может воспроизводить поведение любой иной машины, которая работает с “символами” или же физическими описаниями того или иного рода: печатных машинок, калькуляторов, пианол» [5. С. 186]. Совершенная машина – дружественный и неограниченный в возможностях (что вновь порождает абстрактную машину) искусственный

суперинтеллект, превосходящий человеческий разум, инкапсулирующий жизнь человека в технически поддерживаемый аевум и опекающий человека без ущерба для него. Биовласть, ведомая волей к власти как модальностью воли к жизни, – последовательный творец совершенной машинерии ради Жизни 2.0 – вечного безопасного технически-совершенного аевум «технически-синтезированных» ангелов. Это состояние – «точка Омега» биовласти и одновременно смерть биополитики, ибо в этой точке нет ни расщепления на биовласть и население, ни расщепления на естественное и искусственное, ни расщепления на цель и средство. Хронополитика как модальность биополитики, если совершенная машина возможна, неизбежно завершается «операциональной белизной» (Ж. Бодрийяр) гомеостаза искусственно поддерживаемой естественной жизни.

Полякова Н.Б. Дискуссия развернулась интересная. С вашего позволения несколько ремарок и мыслей. Дмитрий Владимирович в своих исследованиях акцентировал внимание на хронологичности биополитического существования, которое мы застаем, в которое погружены как в актуализированный конструкт современности. «Хронос» разворачивает биополитику, делает ее появление исторически легитимированным через обнаружение и утверждение ее нововременного истока. Определенный исторический этап, его именование – «Новое Время», указывает на появление такого времени, которое до этого было не мыслимо. Время мыслится, задается и закрепляется в пространстве жизни, «вытачивая» ее саму по месту определения. Жизнь и как *bios*, и как *zoe* зацепляется, обретает устойчивость в объективированных хроно-конструктах «государство», «общество», «население», «группа», «класс» и т. д. *Time-become-to-space*, время становится пространством, опространствливается. Хроно-топ кладется сразу как намеренно создаваемый, а значит управляемый, и потому политизированный. Контроль над временем – очередная управленческая победа биополитики, теперь не только жизнь сосчитана, но и ее течение (ритм) подконтрольно.

Время оказывается не естественным ходом, но механизмом расположения социального. Механическое устройство задает логику, конструируя техническими средствами топос социального. Именно в технической машине время и пространство сжались в одной точке.

Механицированное подменяет естественное. «Биос» как естественное закрепился в «техне» как искусственном. И теперь наша естественная жизнь располагается в техносфере. По словам Х. Ленка, мы «ответственны в технике, за технику и с помощью техники». Время – это то, что находится в руках антропологической машины? Тогда человек – это техническое устройство, через которое биовласть являет себя во всем великолепии? Не есть ли это стремление политизированной биовласти с помощью аевум реализовать себя в проекте о сверхчеловеке как бессмертном вечном существе, предложенном еще Ф. Ницше?

И еще один момент, ремарка. Мы застаем биополитику в ее движении, насыщении и пресыщении. Биополитика закрывает пространственный проект социальной действительности, население земли исчислимо, игры в войну и мир не дополняют пространство чем-то новым, не дают новой территории. Пространство истощилось, исчерпало свои материализованные возможности. Время мыслимо, и завоевание времени есть покорение мыслимой жизни, переход через которую открывает биополитике вечную жизнь. В таком случае не хронофагия ли это? Поясню: мне думается, что биополитика, пожирающая, убивающая время жизни, еще раз как бы заново утверждает себя апокалиптическим библейским Левиафаном, в предвкушении вневременной Вечности.

Попов Д.В. Спасибо, Наталья Борисовна, за интересные обобщения! М. Шелер, суммируя представления Л. Клагеса, пишет: «Согласно Клагесу, дух находится в состоянии изначальной борьбы, а не в отношении взаимодополнения, с жизнью и всем, что к ней относится... Но в этом состоянии борьбы дух оказывается принципом, все более глубоко разрушающим жизнь и душу в ходе человеческой истории, так что в конечном счете человеческая история оказывается декадансом и даже прогрессирующим заболеванием жизни, раскрывающейся в человеке» [17. С. 88]. Новое время вообще и биополитика в частности во многом способствовали тому, что «дух и порыв – эти два атрибута бытия» – находятся в рассогласованном состоянии. Биовласть в модальности духа как «сложного технического интеллекта» привела к состоянию сверхсублимации (чрезмерной церебрализации) и, как следствие, чрезмерной эксплуатации жизни. Но не все потеряно! Биополитика не только негативная онтология, в режиме непреднамеренных последствий биовласть научила людей заботиться о себе (М. Фуко), работать на себя (М. де Серто) и добиваться того, чтобы биовласть шла на уступки. Может быть, эта тенденция приведет к торжеству биофилии (Э. Уилсон), а не к трансформации биополитики в танатополитику.

Полякова Н.Б. Хроно-видение биополитики, предложенное Вами, Дмитрий Владимирович, вызвало живую дискуссию, позволило обозначить и обсудить вопросы, разворачивающие философское мышление в дискурсе современных социально-онтологических проблем. Благодарю всех за продуктивную беседу!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 404 с.
3. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002. 192 с.
4. Война и геополитика. 3-й выпуск альманаха «Время мира». Новосибирск, НГУ, 2003. 571 с.
5. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург – М.: Кабинетный ученый; М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. 338 с.
6. Делез Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
7. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Издательство «Европа», 2009. 336 с.
8. Замятин Е. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Русь. М.: Русская книга, 2003. 592 с.
9. Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
10. Кизи К. Над кукушкиным гнездом. Роман. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. 272 с.
11. Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
12. Маклюэн Г. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. – Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2003. 464 с.
13. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
14. Орешкин Д. Б. Джугафилия и советский статистический эпос. М.; Челябинск: Социум, 2020. 482 с.
15. Оруэлл Дж. 1984 и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
16. Попова О. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020. 208 с.
17. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
18. де Серто М. Изобретение повседневности. Кн. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
19. Тищенко П. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Изд. дом «Мир», 2011. 328 с.
20. Харари Ю. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 440 с.
21. Ямпольский М. Парк культуры. Культура и насилие в Москве сегодня. М.: Новое издательство, 2018. 222 с.
22. Яркеев А. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург – Ижевск: ИФиП УрО РАН, 2018. 286 с.

Поступила в редакцию 18.01.2021

Попов Дмитрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент,
начальник кафедры философии и политологии
Омская академия МВД России
644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7
E-mail: DmitriVPopov@mail.ru

Полякова Наталья Борисовна, кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии
E-mail: midies@mail.ru

Шадрин Алексей Анатольевич, кандидат философских наук, доцент;
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии
E-mail: shadrin1971@gmail.com

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

Яркеев Алексей Владимирович, доктор философских наук, доцент; старший научный сотрудник
Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

D.V. Popov, N.B. Polyakova, A.A. Shadrin, A.V. Yarkeev

CHRONOPOLITICS AS A POLITICAL ONTOLOGY OF TIME (BIOPOLITICAL ASPECT)

Round table of the Department of philosophy and Humanities together with the Udmurt branch of the Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (December 4, 2020)

DOI: 10.35634/2412-9550-2021-31-1-5-18

The work of the 7th round table «Philosophy: Hermeneutics of Concepts» is devoted to bio- and chronopolitics. Biopolitics as a powerful organization of the population's life in the forms of medicalization, normalization and regulation has a direct impact on the biological life of the human. However, this does not mean that bio-power solves the problem of «nature versus nurture» exclusively in favor of human nature. Bio-power also seeks to design the human environment. Biopolitical tools of influence on social time can be designated by the concept of chronopolitics. Chronopolitics, being an integral part of the whole biopolitical impact on a person, appears in the forms of permanent intensification of time; metaphysical interpretation of time, which has political and legal consequences; interpretation of history, in the hermeneutic circle of which the rewriting of the past implies the goal of forming an affective post-memory, which allows us to reconstruct the present and to form trends corresponding to the image of the future bio-power. Chronopolitics accelerates social time and, by contributing to the formation of mega-machine structures that meet the teleology of bio-power, carries increasing risks for human civilization.

Keywords: bio-power, biopolitics, chronopolitics, man, time.

Received 18.01.2021

Popov D.V., Candidate of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Political Science
Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Komarova av., 7, Omsk, Russia, 644092
E-mail: DmitriVPopov@mail.ru

Polyakova N.B., Candidate of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Humanities
E-mail: midies@mail.ru

Shadrin A.A., Candidate of Philosophy, Associate Professor at Department of Philosophy and Humanities
E-mail: shadrin1971@gmail.com

Udmurt State University, Institute of History and Sociology
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034

Yarkeev A.V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Senior researcher at Udmurt branch
of Institute of Philosophy and Law, Ural division of the Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru